

Когда мои командировки в Москву совпадали со школьными каникулами, моя жена Берта иногда ездила со мной. В Москве мы обычно останавливались у нашей подруги Вали, и все трое получали удовольствие от общения.

Так было и на этот раз. На второй день Валя предложила пойти в кинотеатр «Россия» на просмотр фильма «Комиссар» режиссёра Аскольдова, с которым она была много лет знакома. Ни название картины, ни фамилия режиссёра нам тогда ни о чём не говорили. После окончания сеанса мы медленно шли и молчали, переполненные впечатлениями от этого берущего за душу фильма, пролежавшего 21 год на полке. Неожиданно Вало окликнул высокий мужчина. Это был Александр Яковлевич Аскольдов.

Валя нас представила, мы разговорились, и он поинтересовался нашим мнением о картине. В ответ на скромное «Но мы ведь не профессионалы» Аскольдов возразил: «Мне интересно мнение именно обычных, но небезразличных зрителей. Профессионалов я, знаете ли, слушался двадцать с лишним лет...»

Мы с удовольствием общались, пока не почувствовали, что основательно замёрзли, стоя вечерним январским вечером на припорошенной снегом дорожке. Добравшись домой, с удовольствием согрелись горячим чаем, продолжая обсуждать фильм. Настроение было прекрасным – ведь впереди целая неделя удовольствия после напряжённого конца года.

И вдруг раздался телефонный звонок. Мы услышали голос нашей одесской подруги: «Миша, ты только не волнуйся. Маму с ущемлением грыжи отвезли в больницу. Операцию пока не делали, надеются обойтись без неё».

Я не мог понять, почему сразу не сделали операцию – ведь при ущемлении бывает дорог каждый день, а иногда и час! Дома осталась только дочь с маленьким ребёнком, она может не справиться с ситуацией. Поэтому наутро я отменил все намеченные командировочные встречи и вместе с Бертой отправился в аэропорт.

Билеты пообещали лишь на рейс в конце дня. Я старался отгонять от себя невесёлые мысли, понимая: нельзя было предусмотреть то, что неожиданно произошло с мамой. Но тягостные эмоции брали верх.

Вспомнился давний рассказ мамы о событиях первых месяцев эвакуации в 1941 года. Завод, на котором работал мой отец, был направлен в небольшой городок и влит в состав ранее расположенного там крупного предприятия, начавшего выпускать продукцию для фронта.

Прибывших людей расселять уже было некуда, и несколько десятков человек, в том числе и нас, разместили в зале местного краеведческого музея. Спали на полу, подстелив что могли. Зал не отапливался. Поздней осенью это было ещё терпимо. А зимой, когда морозы оказались необычно суровыми даже для местных жителей, люди стали сильно мёрзнуть, и я заболел двухсторонним крупозным воспалением лёгких. Ослабленный организмом 5-летнего ребёнка не мог побороть болезнь – лекарств практически не было, а те немногие, что удалось получить, не помогли.

Отец работал сутками, неделями не приходя домой. Маме сказали, что есть пожилой опытный местный врач, и если он меня не спасёт, то надежды нет. Адреса врача не было, маме примерно описали, как его найти.

Поздно вечером на окраине городка мама стала стучаться в закрытые двери и спрашивать, где живёт врач. Открывали не все, многие показывали жестами, приоткрывая занавеску, чтобы она уходила. Наконец, какие-то добрые люди объяснили, как найти доктора.

Мама долго стучалась в запертое окно. Наконец, дверь приоткрылась, выглянула пожилая женщина, сказала, что доктор болен и не принимает.

Там ангелов называют мамами

Михаил Гаузнер

На обледенелом крыльце мама в отчаянии опустила на колени и стала молиться. Воспитанная, как и большинство людей её поколения, в атеистическом духе, она не могла потом объяснить, как она это делала, какие слова произносила, сколько времени прошло.

Вдруг дверь снова приоткрылась, и та же женщина сказала: «Встань, жди, доктор выйдет». Вскоре вышел очень пожилой человек, закутанный поверх пальто в шерстяной платок. Прервав её объяснения («Не говорите на морозе!»), он медленно, с трудом прошёл с ней весь долгий путь до музея. Этот доктор меня спас.

...Воспоминания о давнем мамино рассказе усиливали моё чувство вины: «Если бы я был на месте, то настоял бы на операции, привлёк знакомых хирургов, а сейчас...»

Билеты нам достались только на последний рейс, отложенный по погодным условиям; возможно, именно поэтому освободились места. Добравшись мы домой очень поздно, и в больницу я попал только утром.

Мама встретила меня с удивлением: «Зачем ты вернулся? Операцию делать не нужно, всё обойдётся». Но я не был настолько оптимистичен.

Палатный врач долго убеждал меня, что риск операции слишком велик («Понимаете – возраст, гипертония, диабет, полнота... Надемся обойтись без операции, вроде бы появляется перистальтика...»), но я был спокоен. Один из моих знакомых хирургов был на иногородних курсах, другой уехал в командировку. Мне ничего не оставалось, кроме выслушивания дважды в день неуверенных сообщений врача о периодически слышимых через фонендоскоп проявлениях активности кишечника.

На третий день меня и дочь пригласили к заведующему отделением. За столом, кроме него, сидели двое врачей – палатный и ещё один, мне неизвестный. Выражение их лиц ничего хорошего не предвещало. Нас усадили напротив. Почему-то у меня сразу возникла ассоциация с печальными памятными «тройками», решавшими судьбу людей в конце 30-х годов, и от этого стало ещё тяжелее.

– Перистальтики у больной нет, – сказал зав. отделением, – видимо, омертвел ущемлённый участок кишечника и отравляет организм. Нужна срочная операция, но она очень опасна, а откладывать нельзя. Требуется ваше решение.

– Но я третий день спрашиваю об операции. Почему её не сделали раньше? Ведь и состояние, и риск теперь только ухудшились!

– Не будем сейчас о том, чего нельзя изменить. Решайте.

– Доктор, мы, в отличие от вас, не специалисты. Как мы можем решить?

Зав. отделением молчал. Тогда я спросил:

– Какой прогноз без операции?

– Больная умрёт.
– А с операцией?
– Есть шанс, но очень небольшой. Решение нужно принять как можно скорее. Посоветуйтесь, мы ждём.

Мы с дочерью вышли в коридор и дважды прошли его из конца в конец. У меня до сих пор в памяти глухой стук её каблучков по плиткам пола.

– Что делать?
– Если бы они не тянули...
– Он прав, сейчас об этом говорить бесполезно.

– Наверное, надо рискнуть. Мы вернулись в кабинет. «Тройка» сидела в тех же позах. Не садясь, я задал зав. отделением неожиданный вопрос:

– Доктор, ваша мать жива?
Он изменился в лице:
– А причём здесь это?

– Пожалуйста, ответьте. По-видимому, он понимал, что их позиция уязвима и ситуацию обострять не следует; поэтому сквозь зубы сказал:

– Жива.
– Тогда поступите с моей матерью так, как сделали бы это в аналогичной ситуации со своей, – и, не сдержавшись, добавил, – если бы так запустили её состояние.
– Это запрещённый приём.
– Не более, чем то, что делаете вы.

Поблуднев, он выдал:
– Оперировал бы.
– Тогда оперируйте.

Мы вышли из кабинета, поднялись по мраморной лестнице на третий этаж (лифта в старом здании больницы не было) и вошли в палату:

– Понимаешь, мама... – неуверенно начал я, – наверное, всё же лучше тебя прооперировать.

– Не надо объяснять, Мишенька. Ты так решил?

– Да, мама, мы с Леной считаем, что так лучше.

– Что ж, надо – значит надо, – спокойным голосом сказала мама.

И тут из-за наших спин появились санитары и медсестра – видимо, жидавшие окончания этого короткого разговора. Нас мягко отнесли, переложили маму на уже приготовленные носилки, вынесли из палаты и понесли по лестнице. Я шёл рядом с ней, держа за руку. Она спокойно смотрела на меня; только потом я осознал, чего стоило ей это спокойствие ради того, чтобы дополнительно не нервировать сына и внучку.

Спустились на первый этаж, санитар распахнул двустворчатые двери, ведущие в операционный блок.

– Всё будет хорошо, – деланно спокойным голосом сказал я.

Мама не ответила, сжала мне руку и вдруг неожиданно сказала: – Павлику (её 8-месячному правнуку – М. Г.) передай большой привет...

Двери, пропустив каталку с носилками, закрылись. После операции маму поместили в реанимацию. Мы доставали самые сильные на то время антибиотики, но её состояние оставалось тяжёлым, и на третий день (опять третий!) мама умерла.

Не оправившись от этой страшной вести, я вместе с моим ближайшим другом Женей Марголиным вошёл во двор моего дома. Нас увидела дворник тётя Шура (мама с ней были приятельницами) и спросила:

– Как мама?

– Всё кончено...

Тётя Шура – маленькая сухощавая женщина, прошедшая войну санитаркой на передовой, молча обняла меня и сказала:

– Рима Моисеевна (имя Рива она не употребляла) просила меня, если я проживу дольше её, передать тебе, что она приготовила свою фотографию; найди её на полке в закрытой части буфета.

– Почему же она сама мне не сказала? – растерянно спросил я.

– Она не хотела тебя волновать. В этом опять проявилась мама – не волновать, не расстраивать близких, по возможности брать неприятности на себя.

Мы с Женей долго искали фото, как будто именно это было тогда самым неотложным делом. Многократно пересматривали все аккуратно сложенные там бумаги и никак не могли найти. Только поздним вечером, почти ночью, мы уже не в первый раз взяли в руку какую-то свёрнутую в трубку бумагу, перевязанную цветной ленточкой (что явно, по нашему мнению, не могло быть тем, что ищем), развязали и развернули. Это оказалась большая мамина фотография, причём точно такого же размера, как висевшее на стене в рамке фото отца, умершего три года назад. Даже от выбора и увеличения фотографии она постаралась меня избавить...

Не помню, чтобы мама проводила со мной воспитательные беседы, поучала, требовала. Она умудрялась создавать такую атмосферу, в которой обманывать, хитрить, неуважительно относиться к людям, осуждать их просто не приходило в голову – ведь она сама так никогда не делала.

Работала мама всегда очень много и этим тоже напрямую подавала пример.

В 1951 г. наша семья одной из первых ощутила на себе начало широкомасштабной антисемитской кампании, которая через два года вылилась в «дело врачей-убийц». Моего отца, главного инженера завода, уволили по полностью надуманному поводу на основании заключения присланной из Москвы комиссии Министерства Госконтроля.

Его попытки поступить на другую работу, даже рядовую, успеха не имели. Тогда здоровье отца, успешно работавшего в военные и первые послевоенные годы главным инженером крупного оборонного предприятия, получившего ряд правительственных наград, резко ухудшилось, и он надолго попал в больницу.

Мама, бухгалтер высокой квалификации, вынуждена была пойти на вторую работу и стала занята 12 часов день. Даже я, восьмиклассник, понимал, каких усилий это ей стоило, но ни разу не слышал от неё высказываний типа «Я так много работаю, а ты...».

Через несколько лет, уже после смерти Сталина, я однажды пришёл домой довольно поздно (как говорят – дело молодое) и в очередной раз застал маму, тогда уже главного бухгалтера, за работой.

На обеденном столе были разложены освещённые настольной лампой многочисленные папки с подшитыми ведомостями. Верхний свет потушен (чтобы никому не мешать!). Мамины пальцы и костяшки счётов мелькали с такой скоростью, что за ними невозможно было уследить (эти счётчики до сих пор хранятся в моём шкафу).

– Мама, почему ты сидишь так поздно?

– Баланс не сходится. Ложись спать.

Проснувшись утром, я увидел ту же картину.

– Мама, ты не ложишься?

– Нет.

– А он не сходится намного?

– Нет, на... (она назвала сумму, которая даже мне, первокурснику, показалась ничтожно малой).

С мальчишеской самоуверенностью я предложил ей прекратить поиски, а я эти деньги заработаю, и она вернёт недостаку. В ответ услышал короткое разъяснение – может быть лишним миллион, а не хватать миллиона плюс эта небольшая сумма; поэтому баланс обязательно

должен сходиться до копейки.

– Если работу не делать ответственно, – продолжила она, – не сможешь себя уважать (наверное, имелся в виду я в будущем, но прозвучало это только в применении к ней самой). Это её выражение я запомнил на всю жизнь.

Работала мама после достижения пенсионного возраста лет 10-15, но уже не главным бухгалтером – появились проблемы со здоровьем. Однако её часто приглашали для консультаций по различным профессиональным вопросам, когда мог помочь её опыт. Уважением она пользовалась огромным. Любую работу (в том числе и домашнюю – единственную, оценка которой была мне доступна) мама выполняла организованно и чётко, с минимальными затратами времени.

Её старшая сестра, моя любимая тётя Ася, из-за тяжёлой болезни мужа-инвалида войны первой группы, много лет не работала. Однажды она пожаловалась маме, что не успевает справиться с домашними делами (в том числе и закупки сделать, и еду приготовить, и убрать, и постирать, и погладить, и...).

– А как же я всё это успеваю, работая? – спросила мама.

Тётя, в пылу полемики не сориентировавшись, на полном серьёзе ответила:

– Так у тебя же есть два выходных!

Это выражение надолго стало в нашей семье нарицательным.

Интересная вещь человеческая память. Моему внуку уже почти 34. Он неоднократно утверждал, что помнит старую женщину в очках с толстыми стёклами, которая сидела напротив манежа, в котором он стоял, смотрела на него и что-то с доброй улыбкой говорила. Конечно, это зыбкие воспоминания маленького ребёнка, в которые из-за его тогдашнего возраста очень трудно поверить, но описываемая им картина полностью соответствует тому, что осталось в моей памяти.

К сожалению, у нас не принято выставлять напоказ тёплые чувства к своим близким. Поздравления с днём рождения, с Новым годом, добрые пожелания в связи с этим – вот, пожалуй, и всё.

Я всегда старался быть внимательным к своим родителям, по возможности не огорчать их, а когда они постарели – заботиться о них. Но мне не приходило в голову просто так, без «табельного» повода, под влиянием чувств подойти к маме (а тем более – к отцу), обнять и сказать: «Я люблю тебя!» – мешала какая-то ложная мальчишеская, потом мужская сдержанность. Только когда их не стало, я понял, что нужно, обязательно нужно говорить это близким и дорогим людям, не скрывать от них своих чувств. Жаль, что осознал я это слишком поздно.

Однажды я услышал такую притчу. Ещё не родившись, но собиравшиеся вскоре появиться на свет будущие младенцы тревожились: «Здесь нам помогают ангелы, оберегают нас, а как будет там? Мы боимся!». Тогда они услышали громкий глас: «Там у каждого из вас будет свой ангел, он будет вам помогать. Его называют мамой».

Мамы нет уже 33 года, я сам давно прадед, а мне иногда продолжает казаться, что она мне помогает.